

Кризис: экономический или институциональный?

Пессимистические оценки и прогнозы экономического роста в России, характерные для 2015-2016 гг., сменились с конца 2016 г. все нарастающим оптимизмом как официальных ведомств и лиц, так и экспертов. Казалось бы, повод для оптимизма действительно есть. После семи кварталов непрерывного падения ВВП страны в 4-м квартале 2016 г. наступил перелом. Росстат отчитался о росте ВВП по сравнению с 4-м кварталом 2015 г. на 0,3%¹. Возможно это действительно перелом? Конечно, картину портит то, что в целом за 2016 г. ВВП России все равно сократился на 0,2%. А вполне вероятно и еще больше, так как Росстат официально скорректировал макроэкономические оценки за 1-й и 2-й кварталы 2016 г., снизив оценки темпов падения, соответственно, с 1,2% до 0,4% и с 0,6% до 0,5%². Прибавляет оптимизма то, что и в 1-м квартале 2017 г. прирост по сравнению с аналогичным кварталом 2016 г. составил 0,5%³. Все это дает основание правительству даже оспаривать позитивные прогнозы роста российской экономики в 2017 г., которые дают международные организации, предсказывающие рост в 2017 г. на уровне 101,4% (ОЭСР и МВФ) и 101,3% (Всемирный банк)⁴. Ободренные позитивными значениями квартальных индикаторов министр экономики, вице-премьер правительства, а вслед за ними и Президент РФ уверенно предсказываю для российской экономики в 2017 г. прирост на уровне 2%, хотя еще в январе прогноз Минэкономразвития РФ осторожно предсказывал рост на 2017 г. на уровне 100,6%⁵. Причиной улучшения и внутрироссийских и международных прогнозов является ожидающееся оживление в сфере инвестиций и международной торговли, в частности совокупного экспорта на глобальном уровне.⁶ Конечно, общее увеличение спроса в мировой экономике приведет к некоторому увеличению спроса на основные экспортные позиции России, что и отражается в ожиданиях экспертов.

Определенно можно сказать, что изменился знак макроэкономических ожиданий, что отразилось и в пересмотре рейтинговым агентством S&P в положительную сторону суверенного рейтинга России со «стабильного» до «позитивного»⁷. Однако главным вопросом является все-таки другой. Произошло ли изменение фундаментальных основ, определяющих долговременный тренд развития экономики страны? Или по-прежнему надежды связаны с будущим изменением тренда мировых цен на углеводороды. Эти надежды могут оправдаться, но могут и не оправдаться. Вероятность последнего весьма высока.

Во-первых, даже улучшение глобальной макроэкономической конъюнктуры не является гарантией формирования разрыва спроса и предложения на мировом рынке углеводородов из-за сложившегося превышения потенциального предложения над потенциальным спросом. За время низких цен практически все фирмы-производители и государственные бюджеты стран-производителей понесли значительные потери в форме недополученных доходов. Любое улучшение конъюнктуры будет ими рассматриваться, скорее всего, как сигнал для наращивания предложения в максимально возможных размерах

¹ См.: Экономика России перешла в стадию роста/<https://rns.online/articles/Ekonomika-Rossii-pereshla-v-stadiyu-rosta-2017-03-31/> (обращение 16.07.2017)

² Там же

³ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/kv/tab8.htm (обращение 22.07.2017)

⁴ Глобальная экономика возвращается к росту/<https://www.kommersant.ru/doc/3319565> (обращение 22.07.2017)

⁵ См.: <https://lenta.ru/news/2017/01/19/rusecon/> (22.07.2017)

⁶ См.: Глобальная экономика возвращается к росту.

⁷ См.: Экономика России перешла в стадию роста/<https://rns.online/articles/Ekonomika-Rossii-pereshla-v-stadiyu-rosta-2017-03-31/> (16.07.2017)

для перераспределения в свою пользу аккумулированных в предыдущий период странами-импортерами сверхдоходов. Результатом может быть нарушение баланса спроса и предложения уже при новых уровнях спроса и возврат экспортных цен к низким уровням.

Во-вторых, быстрый технический прогресс меняет структуру потребления энергии и удельные нормативы потребления, объективно сокращая глобальный спрос.

Пока можно, очевидно, говорить только о поддержавших экономику краткосрочных структурных и регулятивных эффектах, которые, впрочем, связаны более с внешними факторами, а не с фундаментальными сдвигами в самой российской экономике. Рост в пищевой промышленности и в целом в АПК обеспечен, благодаря увеличению инвестиций на фоне импортозамещения. Прирост в металлургии обусловлен улучшением рыночной конъюнктуры. Государственные заказы в военно-промышленном комплексе и инфраструктурном секторе также поддержали экономику.

Фундаментальными факторами роста для российской экономики в настоящее время являются чистый экспорт и внутренний спрос. Динамика чистого экспорта при сложившейся структуре экспорта угнетается внешней конъюнктурой и может быть активизирована только в случае реальной структурной и технологической модернизации российской экономики, то есть в случае замещения не по доле, а по объему экспорта углеводородов экспортом прочих товаров и услуг. Это невозможно сделать в коротком периоде. Но и в долговременном аспекте это предполагает интенсивные инвестиции в технологии производства и управления.

Каков источник инвестиций? Их в принципе два – сбережения и совокупный долг. За предыдущие 25 лет, прошедших с момента декларации о переходе к рыночной экономике, способы трансформации сбережений населения в инвестиции так и не было найдено. Учитывая заведомо низкий уровень взаимного доверия государства, частного бизнеса и населения, весьма сомнительно, что этот способ может быть «открыт» в коротком периоде. Не удивительно поэтому, что аналитики Сбербанка призывают увеличить норму совокупного долга с нынешних 100% ВВП до 150%, то есть привлечь в экономику в течение 10 лет порядка 40 трлн.рублей инвестиций⁸. Учитывая, что внешние источники финансирования корпоративного долга для России скорее всего еще долго будут оставаться недоступными, речь идет о внутреннем долге, то есть о вышеупомянутой трансформации сбережений в инвестиции. А следовательно, этот рецепт, который с арифметической точки зрения приемлем, становится экономически (поведенчески) нереалистичным. А значит подразумевается некий иной источник инвестиций, которым по определению в закрытой с финансово-инвестиционной точки зрения экономике может быть только государственный бюджет.

Внутренний спрос на товары и услуги производственного назначения в перспективе определяется и теоретически и практически размерами накопления, то есть приростом выпуска товаров и услуг, а также степенью его разнообразия. То есть опять возникает проблема источника инвестиций и структурной модернизации экономики. Как отмечено выше обе эти задачи не имеют простого и однозначного решения в рамках принятой экономической и политической парадигмы.

Не лучше обстоят дела и с внутренним потребительским спросом. В 2016 г. сокращение размеров розничной торговли продолжилось. Оно стало не таким большим, как в 2015 г. (4-5% против 15%), но вполне вероятно, что «улучшение» достигнуто за счет указания в отчетности Росстата за 2016 г. агрегатного показателя, включающего оптовую торговлю, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (в 2015 г. отчитывались по показателю «розничная торговля»)⁹. В любом случае, сокращение потребительского спроса продолжается. Смена тренда возможна, но для этого нужно восстановить динамику доходов населения и, самое главное, изменить

⁸ См.: Обзор Sberbank CIB «Долговые рынки сегодня»/ <https://lenta.ru/news/2017/02/03/gdp150/> (24.07.2017)

⁹ См.: Хестанов С., <https://lenta.ru/articles/2017/02/06/ageofrise/> (16.07.2017)

знак макроэкономических ожиданий у домашних хозяйств, без чего нельзя надеяться на изменение их потребительского поведения. Получается очередной замкнутый круг.

Наличие таких порочных кругов объясняет общее уныние макроэкономических прогнозов и российского правительства, и международных организаций и экспертов. Самые оптимистичные оценки предстоящего в 2017-2020 гг. экономического роста, если он состоится и не будет сорван экстремальными внешними или внутренними факторами (обвал нефтяных цен, обвал валютного курса рубля, чрезмерное укрепление рубля и т.п.), находятся в диапазоне 1,5-2% ежегодного прироста. В этом случае российскую экономику ждет длительная стагнация с периодическими спадами в результате циклических или генерированных внеэкономическими причинами внешних конъюнктурных шоков. Один из таких внеэкономических шоков только что обозначен в форме законодательного оформления антироссийских санкций в США.

Таким образом, давно муссируемый и в экспертном сообществе и на официальных форумах выбор стратегии развития российской экономики, которые бы гарантировали «прорыв» в области стабильного экономического роста, превращается в своеобразное шаманство. Рационального выбора не существует и остается взывать к «высшим силам», которые неким чудесным образом разорвут хоть какую-то из петель положительной обратной связи, которые туго спеленали национальную экономику. По существу все более очевидно, что речь идет не столько о выборе рационального способа экономического поведения в макросфере, сколько о рецептах развития в рамках все более закрывающейся экономики, все механизмы и взаимосвязи которой ориентированы и «заточены» под экономику, функционирующую в рамках глобального воспроизводственного цикла. Как строить экономику мобилизационного типа мы уже знаем и знаем что, сколько и кому придется заплатить за это. А вот как заставить экономику, оставаясь рыночной и глобально ориентированной, развиваться быстрыми темпами, то есть наращивать конкурентоспособность в глобальном смысле, опираясь лишь на собственные силы, очевидно, и предстоит сказать «стратегам». По существу в полный рост перед российской экономикой встал вопрос о «новом двухколейном пути»: существовать в глобальном мире на основе идеологии «чучхе».

Есть ли «свет в конце туннеля» зависит в этом смысле от принципиальной возможности определить "оптимальную" стратегию экономического развития при вышеописанных предположениях и условиях экономического и идеологического характера. Это – непростой вопрос, учитывая, что стремление построить «идеальную» стратегию развития экономики за последние 30 лет стало навязчивой идеей для российского политического класса и экспертно-экономического сообщества. Начиная с программы «500 дней», лавина стратегий и программ накрыла российское общество вообще и элиты в частности, породив почти что уверенность в том, что секрет успеха в экономике кроется в «хороших стратегиях», а провалы в экономике, наоборот, в неудачных стратегических проектах. Разработка стратегий превратилось в некую виртуальную жизнь для элит и обслуживающих их многочисленных экспертных групп. Выработалось устойчивое убеждение, которое не становится менее популярным от того, что является заблуждением, - достаточно только разработать «правильную» стратегию, сопроводить ее (это главное) детальным «планом мероприятий по реализации» и можно с чувством выполненного долга спокойно ожидать экономического чуда в виде высоких темпов роста, народного ликования и зависти недругов. При этом до сих пор нет ответа на простой вопрос: почему при обилии стратегий почти никаких результатов в смысле стабильных темпов роста, стабильного экономического и социального развития, повышения качества жизни так и не достигнуто.

Заметим при этом, что до последнего времени ни про какую «двухколейность» в духе «чучхе-глобалистика» речь не шла. И преодолевать приходилось «всего лишь» внутреннюю конфликтность стратегий социально-экономического развития.

Эта внутренняя конфликтность стратегий социально-экономического развития, которая практически отсутствует в стратегиях производственно-технологического

характера, ориентированных на достижение определенных параметров предложения и обмена, обусловлена их ориентацией на параметры дохода и распределения. При этом практически невозможно в явном виде определить цель, способы достижения которой и являются стратегией. Действительно, как можно конструировать стратегию достижения такой цели как «обеспечить высокое качество жизни», «обеспечить такие-то темпы роста», «повысить производительность труда», «улучшить демографические показатели», «улучшить инвестиционный климат» и т.п.? Подобные цели, во-первых, подлежат чрезвычайно сильной, многоуровневой декомпозиции, в ходе которой обнаруживается, что единой стратегии их достижения просто не существует, а есть некая комбинация пересекающихся и конкурирующих стратегий конкретных экономических, социальных и прочих субъектов общественного процесса. Во-вторых, экономические цели сами по себе являются лишь фрагментами синтетических целей общественного прогресса.

С этой точки зрения дискутируемые ныне стратегии социально-экономического развития по сути воспроизводят тот выбор, который стоял перед властью и экспертами в конце 1980-х - начале 1990-х годов: градуалистская стратегия "улучшения институтов" в условиях ограничения денежного предложения, продолжения жесткого контроля инфляции, снижения расходов бюджета и повышения налогов или шоковая стратегия "монетарно-инвестиционной накачки" за счет увеличения денежного предложения, поддержания умеренных темпов инфляции, роста расходов бюджета при снижении налогов и усиленного государственного инвестирования в инфраструктурные проекты. Тогда выбор был предопределен не собственно экономическим расчетом "затраты-результаты", но влиянием одной и другой на фундаментальные основы общественно-политического и социально-экономического устройства страны. Цель состояла не в темпах роста и даже не в эффективности функционирования экономики, но в изменении отношений собственности и связанным с этим изменением политической структуры общества. Именно такова была метацель. А инструментом ее достижения являлось реформирование механизмов функционирования экономических агентов и мотивации их поведения. Эта метацель была достигнута к началу 2000-х годов. Благоприятный внешний фон в виде высоких цен на углеводороды, давших возможность законсервировать институциональную динамику и общественно-политические процессы в стране, сосредоточившись на накоплении экспортной ренты, сделал в этот период неактуальным вопрос о формулировании новой метацели, хотя в политико-идеологической сфере такая необходимость все время прорывалась на поверхность в форме поисков «национальной идеи». Происходила подстройка поставленной еще в конце 1980-х годов метацели, ее реформирование на частичную реставрацию системы прежних общественно-экономических институтов при условии сохранения либеральной оболочки макроэкономического регулирования, но при замене концепции квазисовершенной конкуренции концепцией государственного монополизма и рыночной олигополии.

Вероятно, это объясняет «незаметность» многочисленных стратегий, к примеру, стратегии «2020». Если нет цели, получится все, что угодно, какой угодно красивый и успокаивающий относительно верности канонам текст. Не получится стратегии.

Сейчас ситуация изменилась. Либеральная оболочка не может поддерживаться внешними ресурсами в форме экспортной ренты и начала перестраиваться, поглощая внутренние ресурсы, прежде всего секторов «государственной социальной опеки». Возникла ситуация острой конкуренции между обязательствами государства по опеке социальной и корпоративной, с одной стороны, и военно-политической, с другой.

По сути дела российская экономика оказалась в системном кризисе, который является классическим марксовым кризисом перепроизводства. Поддержание пропорций и выполнение сбалансированных обязательств (которые в условиях победившего государственного монополизма превратились в значительной степени в обязательства государства) возможно только при сохранении сложившихся пропорций «цен» (рентных доходов бюджета, сбережений, конечных расходов, корпоративной прибыли, курса рубля, ставки процента и т.п.). Внешние шоки разрушили эту сбалансированную систему, а механизмов ее автоматической

корректировки не оказалось. Они заблокированы тем самым государственным монополизмом и корпоративным олигополизмом, которые формировались все первое десятилетие нового века. Таким образом, главная проблема не во внешних шоках. Они неизбежны, неизвестна форма, время и размер, но известно, что обязательно случатся. Главная проблема внутренняя – отсутствие эффективного арбитража, «замороженность» политико-социальных форматов, конфликт псевдориночного и государственно-монополистического секторов в экономике.

Соответственно, многочисленные дискуссии относительно новой стратегии развития, призванные обеспечить новое «ускорение» и «эффективную экономику»¹⁰, на самом деле неявно содержат вопрос о необходимости замены метациели, что автоматически приведет к необходимости обсуждения вопроса о содержании и форме общественного развития в целом. Собственно говоря, ожесточенность дискуссии связана именно с большей или меньшей готовностью спорщиков признать этот факт.

Образную характеристику ожесточения, присутствующего во всех этих «стратегических» дискуссиях, дал модерировавший заседание круглого стола на тему "Российская экономика на перепутье: битва стратегий" (20-22 апреля 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном университете) Р.С.Гринберг: "Многие желают спасти российскую экономику, но готовы пожертвовать самой этой экономикой, если не согласны с рецептом спасения". Это – очень точная характеристика сути самой дискуссии. Ведь спор идет не о новой метациели, определение путей достижения которой и есть суть стратегии. Спор идет именно о путях, но по умолчанию предполагается, что это разные пути к одной и той же цели – сохранению статус-кво. Тот факт, что это состояние статус-кво и есть причина кризиса и надвигающегося длительного застоя не, чтобы ускользает из внимания, но представляется, очевидно, настолько «неполиткорректным», настолько выпадающим из генеральной линии, что о нем и говорить не очень прилично.

А поэтому продолжается вялое изыскание новых аргументов или новых нюансов схоластической дилеммы: реформа институтов при сохранении двухколейной модели построения экономики или реформа инструментов при сохранении этих самых «колеи». Практические рецепты хорошо известны. Первый сводится к модернизации структуры и изменению качества институтов на фоне монетарно-бюджетной стабилизации. Второй – к бюджетно-монетарному стимулированию инвестиций на фоне модернизации и повышения качества институтов. Правда, после Петербургского экономического форума заговорили о третьем рецепте – "цифровой экономике", но это относится уже к изысканности структурных пристрастий, а не к логике макроэкономических решений, о которых собственно и идет речь в контексте "рецептов".

Сторонники первого рецепта уверены, что искусство маневрирования финансовыми резервами и сохранение макроэкономической стабильности в монетарном смысле вполне достаточны для того, чтобы обеспечить экономике возможность автоматического поиска состояния динамического равновесия. Не ясно, правда, почему и как маневрирование и сохранение стабильности, которые вот уже более 20 лет являются краеугольными камнями российской макроэкономической политики, вдруг приведут к восстановлению динамики, хотя до сих пор периодически эту динамику угнетали. Очевидно, ответ следует искать в настойчивых призывах улучшать качество институтов и ускорять реформы. При этом имеется в виду, что проблема качества и стабильности институтов должна быть решена за счет "политической воли". Это, конечно, утопия. Без какой-либо системной трансформации общественно-политического фундамента формирования и гарантии защиты мотивов экономического поведения положительных результатов не будет.

¹⁰ Как известно, лозунг «экономика должна быть эффективной» был провозглашен в 1970-х годах, а в 1980-х годах его сменил лозунг «ускорение», который имел ясное количественное выражение – удвоение общественного продукта за 10 лет. Ни тот, ни другой лозунги, ни к какому практическому результату не привели. Система не менялась. А автомобиль, рассчитанный конструктивно на скорость 70 км в час и на потребление 20 литров топлива на 100 км пути, как его не уговаривай не сможет показать 200 км в час и все равно будет сжигать свои 20 литров, а не 10 и не 6.

Но есть и еще одна серьезнейшая проблема, на которую указал в ходе дискуссии на вышеупомянутом заседании круглого стола профессор М.Ю.Урнов. Весьма сомнительно, что любые стратегии, если под ними иметь в виду только некий набор инструментов манипулирования макроэкономическими ресурсами для достижения предельно общих целей типа темпов экономического роста или статистических индикаторов производства, потребления, доходов и их распределения, не останутся на бумаге, либо не канут в Лету спустя краткий миг. Этого не произойдет только тогда, когда они будут базироваться на фундаментальном понимании природы и тенденций изменения экономической и социальной мотивации акторов экономического и социального процессов. Понимание и учет этих мотиваций - слабое звено в российской экономической и социальной политике. Предположение о том, что макроэкономические индикаторы сами по себе являются достаточным основанием для решения накопившихся и умножающихся проблем социального самочувствия и экономической активности, не есть аксиома. Более того, сложность и неоднозначность мотиваций в обществе свидетельствуют скорее об отсутствии доказательств этого тезиса, чем о подтверждении его аксиоматичности.

Но ведь адепты первого рецепта уверены, что «правильное» макроэкономическое регулирование и продвинутые институты обязательно подвигнут экономических агентов к изысканию и инвестированию внутренних ресурсов, что и даст желаемый переход к росту и процветанию. Не скоро, конечно, зато очень либерально и в полном согласии с неоклассической концепцией свободы торговли и максимизации чистого сальдо платежного баланса.

Авторам второго рецепта некогда ждать, когда «выращивание институтов» и воспитание экономических агентов приведут к экономическому росту. Они уверены, что, во-первых, результат должен быть получен в кратчайшие сроки. А во-вторых, главным способом добиться экономического роста должна быть "инвестиционная накачка" в форме осуществления инвестиционных мегапроектов по развитию инфраструктуры. Источником финансирования этих мегапроектов должны выступить как раз государственные резервы (включая виртуальные резервы в форме совокупного долга) и средства консолидированного государственного бюджета.

В ходе упомянутого выше заседания круглого стола идея инвестиционной накачки была преподнесена в форме проекта "сжатия российского пространства" с помощью строительства скоростной железнодорожной магистрали, которая должна заменить (или увеличить пропускную способность) Транссибирской железной дороги. Разумеется, как и всегда, когда речь идет о железнодорожном строительстве, за счет средств государственного бюджета.

Сомнений в том, что залповый вброс в экономику инвестиций (а речь идет в этом проекте о 15-20 трлн.руб. за 7-8 лет, то есть примерно о половине той суммы, которую предлагает привлечь за 10 лет Сбербанк посредством увеличения в 1,5 раза совокупного долга) приведет к некоторому приросту ВВП нет никаких. Так вложение в подготовку саммита АТЭС во Владивостоке в 30 раз меньших ресурсов госбюджета заметно прирастили ВРП Приморского края. Ненадолго. Закончились инвестиции и закончился рост. Может так не произойдет в случае скоростной дороги? Может быть. Но для уверенного ответа нужно иметь ответы на скучные, но имеющие непосредственное отношение к экономике вообще и экономическому росту в частности вопросы. А именно: каков национальный коэффициент локализации производства будет обеспечен, какова величина инвестиционного мультипликатора, каков механизм и размеры генерирования внутреннего спроса, как будут распределяться эффекты эксплуатации, как изменятся транспортные издержки, как изменится ситуация с мобильностью труда, произойдет ли действительно увеличение степени гомогенности экономического и социального пространства, какая часть международного транзита контейнерных грузов переключится на российские железные дороги, будут ли получены и какие дополнительные доходы экономики и бюджетов и т.п.? Впрочем, без базовых институциональных преобразований об этом говорить довольно бессмысленно.

А ведь все может произойти с точностью до наоборот. Уровень гомогенности пространства страны в результате строительства магистральной скоростной дороги может снизиться в связи с облегчением стягивания и без того фрагментированного экономического пространства к уже сформировавшимся вокруг мегаполисов экономическим полюсам, что относится как к рынку труда, так и к размещению производственных мощностей. Огромные затраты бюджетных средств приведут к созданию "транзитной евразийской специализации" российской экономики, что заблокирует институциональную и финансовую поддержку государством частных инвестиций в диверсификацию национальной экономики и экспорта. Огромные средства будут вложены фактически либо в конфронтацию с международным инфраструктурным проектом Шелкового пути, инициированного Китаем, либо в закрепление статуса саттелита Китая в этом проекте. Причем последнее даже более вероятно, учитывая, что Россия уже официально присоединилась к этому проекту (что было продекларировано в 2015 г. и закреплено официальным межгосударственным заявлением в мае 2017 г.).

Конечно, это всего лишь один из возможных проектов. Правда, список вопросов от проекта к проекту будет меняться незначительно. Но главная проблема заключается в предположении, что государственные инвестиции без каких-либо изменений базовых экономических отношений и социально-политических форматов могут запустить механизм экономического роста, то есть автоматически решить проблему трансфера технологий, эффективных масштабов выпуска, размеров совокупного спроса, структуры внутреннего потребления и экспорта, продуктивности функционирующего капитала, рациональности экономического поведения, эффективной конкуренции и пр. Вряд ли смогут решить эти проблемы сами *по* себе инвестиции за счет заемного капитала, даже если они и не раскачают устойчивость денежного рынка (что действительно маловероятно при рациональном, правда, инвестировании).

Количество проблем и принципиально нераспутываемых петель обратных связей чрезвычайно велико. Однако наличие рисков – не причина ничего не делать, но очень веская причина ответить на вопрос какова конечная цель действий. Настала пора осознания необходимости пусть недостаточно политкорректного, но содержательного обсуждения системных проблем общественного процесса, как первоочередной задачи. Настала пора формулирования новой метациели – цели общественного в целом и экономического в частности развития, что должно вылиться в формирование оптимальной стратегии достижения этой цели, в которой конечно, будут сочетаться и обе столь активно ныне обсуждаемые стратегии экономического регулирования.

P.A. Minakir

Crisis: economic or institutional?

Pessimistic estimates and forecasts of economic growth in Russia, characteristic for 2015-2016, have been replaced since the end of 2016 by the growing optimism of both official agencies and individuals and experts. It would seem that there is indeed a reason for optimism. After seven quarters of a continuous fall in the country's GDP in the 4th quarter of 2016, a turning point came. Rosstat reported a GDP growth of 0.3% compared to the fourth quarter of 2015. Is this really a fracture?

Of course, the picture is spoiled by the fact that as a whole for 2016, Russia's GDP still fell by 0.2%. And it is quite possible, and even more, since Rosstat officially corrected the macroeconomic estimates for the 1st and 2nd quarters of 2016, lowering the estimates of the rate of decline, respectively, from 1.2% to 0.4% and from 0.6% to 0.5%. It is optimistic that in the 1st quarter of 2017 the growth compared to the same quarter of 2016 was 0.5%.

All this gives the government grounds to even challenge the positive forecasts of the growth of the Russian economy in 2017, which are given by international organizations predicting growth in

2017 at 101.4% (OECD and IMF) and 101.3% (World Bank). Encouraged by the positive values of the quarterly indicators, the Minister of Economy, the Deputy Prime Minister of the Government, followed by the Russian Federation's President, confidently predict for the Russian economy in 2017 an increase of 2%, although in January the forecast of the Ministry of Economic Development carefully predicted growth for 2017 at Level of 100.6%.

The reason for improvement in domestic and international forecasts is the expected revival in the sphere of investment and international trade, in particular, aggregate exports at the global level. Of course, the general increase in demand in the world economy will lead to a certain increase in demand for Russia's main export positions, which is reflected in the experts' expectations. Certainly, we can say that the sign of macroeconomic expectations has changed, which was reflected in the revision of the sovereign rating of Russia from positive to positive by the rating agency S & P.

However, the main issue is still different. Has there been a change in the fundamental foundations that determine the long-term trend in the development of the country's economy? Or, still, hopes are related to the future change in the trend of world prices for hydrocarbons. These hopes can be justified, but they may not be justified. The probability of the latter is very high.

First, even an improvement in the global macroeconomic environment is not a guarantee of a gap in supply and demand in the global hydrocarbon market because of the current excess of potential supply over potential demand. During the low prices almost all manufacturers and state budgets of producing countries suffered significant losses in the form of lost revenues. Any improvement in the market situation will be considered by them, most likely, as a signal for increasing the supply to the maximum possible extent for redistribution in their favor of the excess revenues accumulated in the previous period by importing countries. The result may be a disruption in the supply and demand balance already at the new levels of demand and the return of export prices to low levels.

Secondly, rapid technological progress changes the structure of energy consumption and specific consumption standards, objectively reducing global demand. For the time being, one can obviously only talk about the short-term structural and regulatory effects that supported the economy, which, however, are more connected with external factors, rather than with fundamental changes in the Russian economy itself. Growth in the food industry and in the agro-industrial complex as a whole is ensured, thanks to an increase in investment against the background of import substitution. The gain in metallurgy is caused by the improvement of the market situation. State orders in the military-industrial complex and the infrastructure sector also supported the economy.

The fundamental factors of growth for the Russian economy are currently net exports and domestic demand. The dynamics of net exports under the existing export structure is oppressed by the external situation and can be activated only in case of a real structural and technological modernization of the Russian economy, that is, in the case of the replacement of other goods and services by the volume of hydrocarbon exports. This can not be done in a short period. But in a long-term aspect, this involves intensive investment in production and management technology.

What is the source of investment? There are basically two of them - savings and total debt. Over the past 25 years, since the declaration on the transition to a market economy, the ways of transforming the savings of the population into investments have never been found. Given the extremely low level of mutual trust between the state, private business and the population, it is highly doubtful that this method can be "opened" in a short period. It is not surprising, therefore, that Sberbank analysts are calling for an increase in the aggregate rate from the current 100% of GDP to 150%, that is, attracting about 40 trillion rubles of investments to the economy within 10 years. Given that external sources of financing corporate debt for Russia are likely to remain inaccessible for a long time, it is an internal debt, that is, the aforementioned transformation of savings into investment.

And consequently, this recipe, which is acceptable from the arithmetic point of view, becomes economically (behaviorally) unrealistic. And this implies some other source of investment, which by definition, in a closed economy from the financial and investment point of view, can only be a state budget. Internal demand for goods and services for industrial purposes is, in the long run, determined both theoretically and practically by the size of the accumulation, that is, by the increase in the output of goods and services, and also by the degree of its diversity.

That is, again the problem arises of the source of investment and structural modernization of the economy. As noted above, both these tasks do not have a simple and unequivocal solution within the accepted economic and political paradigm. The situation is not better with domestic consumer demand. In 2016, the reduction in the size of retail trade continued. It was not as large as in 2015 (4-5% vs. 15%), but it is likely that the "improvement" was achieved through the indication in the Rosstat statements for 2016 of the aggregate indicator, which includes wholesale trade, vehicle repair, motorcycles, household products and personal items (in 2015, reported on the indicator "retail trade"). In any case, the decline in consumer demand continues. A change in trend is possible, but for this it is necessary to restore the dynamics of household incomes and, most importantly, to change the sign of macroeconomic expectations in households, without which it is impossible to hope for a change in their consumer behavior. It turns out the next vicious circle.

The presence of such vicious circles explains the general dejection of macroeconomic forecasts of the Russian government, and international organizations and experts. The most optimistic assessment of the forthcoming in 2017-2020 economic growth, if it takes place and will not be thwarted by extreme external or internal factors (the collapse of oil prices, the collapse of the ruble exchange rate, the excessive strengthening of the ruble, etc.), are in the range of 1.5-2% of annual growth. In this case, the Russian economy is waiting for a prolonged stagnation with periodic recessions as a result of cyclical or external economic conjectural shocks generated by non-economic reasons. One of such non-economic shocks has just been indicated in the form of legislative formulation of anti-Russian sanctions in the United States.

Thus, the choice of a strategy for the development of the Russian economy, which would guarantee a "breakthrough" in the field of stable economic growth, has long been exaggerated in the expert community and in official forums, turns into a kind of shamanism. Rational choice does not exist and it remains to appeal to the "higher forces", who in some miraculous way will tear off at least some of the loops of positive feedback that tightly wrapped up the national economy. In essence, it is becoming increasingly clear that this is not so much about choosing a rational mode of economic behavior in the macro-sphere, but rather about the recipes for development within an increasingly closed economy, all the mechanisms and interrelationships of which are oriented and "sharpened" to an economy functioning within the global reproduction cycle.

How to build a mobilization-type economy, we already know and know what, how much and who will have to pay for it. But how to make the economy, while remaining market and globally oriented, develop at a rapid pace, that is, to increase competitiveness in a global sense, relying only on one's own strength, obviously, and it is necessary to say "strategists". In essence, the Russian economy faced the question of a "new two-track path": to exist in a global world based on the ChuchHae ideology. Does "light at the end of the tunnel" depend in this sense on the fundamental possibility of determining the "optimal" economic development strategy under the above assumptions and conditions of an economic and ideological nature? This is a difficult question, considering that the desire to build an "ideal" economic development strategy over the past 30 years has become an obsession for the Russian political class and the expert economic community.

Starting with the "500 days" program, an avalanche of strategies and programs covered Russian society in general and the elite in particular, giving rise to almost certainty that the secret of success in the economy lies in "good strategies" and the failures in the economy, on the contrary, in failed strategic Projects. The development of strategies has turned into a kind of virtual life for elites and the numerous expert groups serving them. A stable conviction has developed that does not become less popular from what is a misconception - it is enough only to develop a "correct" strategy, to accompany it (this is the main thing) with a detailed "plan of implementation measures" and it is possible with a sense of accomplishment to calmly wait for an economic miracle in the form of high growth rates, popular rejoicing and envy of enemies.

At the same time, there is still no answer to the simple question: why, with an abundance of strategies, almost no results in terms of stable growth rates, stable economic and social development, improvement in the quality of life have not been achieved. Note that, until recently, there was no

mention of any "double-track" in the spirit of "ChuchHae-globalistics". And it was necessary to overcome "only" internal conflicts of the strategies of social and economic development.

This internal conflict of strategies for socio-economic development, which is practically absent in strategies of production and technology, aimed at achieving certain parameters of supply and exchange, is due to their orientation on the parameters of income and distribution. At the same time, it is almost impossible to determine in an explicit manner the goal, the methods of achieving which are the strategy. Indeed, how can you design a strategy for achieving such a goal as "to ensure a high quality of life", "to ensure such a growth rate", "to increase labor productivity," "improve demographic indicators," "improve the investment climate," etc.?

Such goals, firstly, are subject to extremely strong, multi-level decomposition, during which it is found that there is simply no single strategy for achieving them, but there is a combination of overlapping and competing strategies of specific economic, social and other actors in the social process. Secondly, economic goals in themselves are only fragments of the synthetic goals of social progress.

From this point of view, the currently discussed socio-economic development strategies essentially reproduce the choice that the authorities and experts faced in the late 1980s and early 1990s: the gradualist strategy of "improving institutions" in conditions of limiting the money supply, continuing strict control Inflation, lower budget expenditures and higher taxes or a shock strategy of "monetary investment pumping" by increasing the money supply, maintaining a moderate inflation rate, increasing budget expenditures when the taxes are falling down or increased public investment in infrastructure projects. Then the choice was predetermined not by the actual economic calculation of "costs-results", but by the influence of one and the other on the fundamental foundations of the socio-political and socio-economic structure of the country.

The goal was not the rate of growth, or even the efficiency of the economy, but in changing property relations and the associated change in the political structure of society. This was the metagoal. And the instrument for achieving it was reformatting the mechanisms of the functioning of economic agents and motivating their behavior. This metagoal was achieved by the early 2000s.

Favorable external background in the form of high prices for hydrocarbons, which made it possible to conserve the institutional dynamics and socio-political processes in the country, focusing on the accumulation of export rents, made it unnecessary at this time to formulate a new metacel, although in the politico-ideological sphere such a necessity all the time Broke out to the surface in the form of searching for a "national idea". The meta-ceramics put in at the end of the 1980s, reformatted to a partial restoration of the system of the former socio-economic institutions, provided that the liberal shell of macroeconomic regulation was preserved, but replaced the concept of quasi-perfect competition with the concept of state monopoly and market oligopoly.

This probably explains the "invisibility" of numerous strategies, for example, the "2020" strategy. If there is no goal, everything will turn out anything, beautiful and soothing about the accuracy of the canons of the text. There is no strategy.

Now the situation has changed. The liberal envelope can not be supported by external resources in the form of export rents and has begun to rebuild, absorbing domestic resources, especially the sectors of "state social trusteeship". There was a situation of acute competition between the state's obligations for the guardianship of social and corporate, on the one hand, and military-political, on the other.

In fact, the Russian economy was in a systemic crisis, which is the classic Marxian crisis of overproduction. The maintenance of proportions and fulfillment of balanced obligations (which in the conditions of the victorious state monopoly have turned to a large extent into state obligations) is possible only if the existing proportions of "prices" (rental income of the budget, savings, final expenditures, corporate profit, ruble rate, interest rate, and so on). External shocks destroyed this balanced system, and there were no mechanisms for its automatic correction. They are blocked by the same state monopoly and corporate oligopolism, which formed the entire first decade of the new century.

Thus, the main problem is not in external shocks. They are inevitable, unknown form, time and size, but it is known that it will happen. The main internal problem is the lack of effective arbitration, the "frozen" political and social formats, the conflict between the pseudo-market and state-monopoly sectors in the economy.

Accordingly, numerous discussions on a new development strategy aimed at providing a new "acceleration" and "efficient economy" actually implicitly include the question of the need to replace the meta-value, which automatically leads to the need to discuss the content and form of social development as a whole. Strictly speaking, the fierceness of the discussion is due precisely to the greater or less willingness of the disputants to recognize this fact. An illustrative description of the bitterness present in all these "strategic" discussions was given by a moderated round table discussion on "The Russian Economy at the Crossroads: The Battle of Strategies" (April 20-22, 2017, at St. Petersburg State University) Ruslan Grinberg: "Many experts want to save the Russian economy, but are ready to sacrifice the economy itself, if they do not agree with the recipe for salvation." This is a very precise description of the essence of the discussion itself.

After all, the dispute is not about a new metagoal, the definition of ways to achieve this is the essence of strategy. The dispute is about the ways, but by default it is assumed that these are different paths to the same goal - the preservation of the status quo. The fact that this state of the status quo is the cause of the crisis and the impending long-term stagnation is not to escape attention, but apparently, it seems, so "politically incorrect", so dropping out of the general line that it is not very good to talk about it.

And therefore, a lingering search for new arguments or new nuances of the scholastic dilemma continues: a reform of institutions while maintaining a two-track model of building the economy or reforming instruments while maintaining these very "ruts". Practical recipes are well known. The first is to modernize the structure and change the quality of institutions against the background of monetary and fiscal stabilization. The second - to budget-monetary stimulation of investments against the background of modernization and improvement of the quality of institutions.

True, after the St. Petersburg Economic Forum, we started talking about the third recipe - the "digital economy", but this refers already to the refinement of structural predilections, and not to the logic of macroeconomic decisions, which are actually referred to in the context of "recipes".

Supporters of the first recipe are sure that the art of maneuvering financial reserves and maintaining macroeconomic stability in a monetary sense are sufficient to provide the economy with an opportunity to automatically search for a state of dynamic equilibrium. It is not clear, however, why and how maneuvering and maintaining stability, which for more than 20 years have been the cornerstones of Russian macroeconomic policy, will suddenly lead to the restoration of the dynamics, although up to now this dynamics has been suppressed from time to time. Obviously, the answer should be sought in persistent calls to improve the quality of institutions and accelerate reforms.

At the same time, we mean that the problem of the quality and stability of institutions must be solved at the expense of "political will". This, of course, is utopia. Without any systemic transformation of the socio-political foundation for the formation and guarantee of protection of motives for economic behavior, there will be no positive results.

But there is one more serious problem, pointed out during the discussion at the above-mentioned meeting of the roundtable by Professor M.Yu.Urnov. It is highly doubtful that any strategy, if only a certain set of tools for manipulating macroeconomic resources to achieve the most common goals, such as rates of economic growth or statistical indicators of production, consumption, income and distribution, is taken into account, or they do not disappear Years later, a brief moment. This will not happen only when they are based on a fundamental understanding of nature and the trends in the changing economic and social motivation of actors in economic and social processes. Understanding and accounting for these motivations is a weak link in Russian economic and social policy. The assumption that macroeconomic indicators are in themselves a sufficient basis for solving the accumulated and multiplying problems of social well-being and economic activity is not an axiom. Moreover, the complexity and ambiguity of motivations in society testify rather to the lack of evidence of this thesis, rather than to confirm its axiomatic.

But after all, the adherents of the first recipe are sure that the "right" macroeconomic regulation and advanced institutions will necessarily incite economic agents to find and invest domestic resources, which will give the desired transition to growth and prosperity. Not soon, of course, but very liberal and in full accordance with the neoclassical concept of free trade and maximizing the net surplus of the balance of payments.

The authors of the second recipe have no time to wait, when "cultivation of institutions" and the education of economic agents will lead to economic growth. They are sure that, firstly, the result should be obtained in the shortest possible time. And secondly, the main way to achieve economic growth should be "investment pumping" in the form of implementing investment mega-projects on infrastructure development. The source of financing for these mega-projects should come just state reserves (including virtual reserves in the form of aggregate debt) and the means of the consolidated state budget. In the course of the above-mentioned round table discussion, the idea of investment pumping was presented in the form of a project of "squeezing the Russian space" by building a high-speed railway that should replace (or increase the capacity) of the Trans-Siberian Railroad. Of course, as always, when it comes to railway construction, at the expense of the state budget. Doubts are that volleying into the economy of investments (and this project is about 15-20 trillion rubles for 7-8 years, that is, about half of the amount that Sberbank proposes to attract over 10 years by increasing it by 1,5 times the total debt) will lead to some GDP growth there are no.

So the investment in preparation for the APEC summit in Vladivostok in 30 times less resources of the state budget has significantly increased GRP of Primorsky Krai. Not for a long. The investment is over and growth is over. Maybe this will not happen in the case of a high-speed road? May be. But for a sure answer you need to have answers to boring questions that are directly related to the economy in general and to economic growth in particular. Namely: what is the national factor of production localization will be provided, what is the magnitude of the investment multiplier, what is the mechanism and size of the generation of domestic demand, how will the effects of exploitation be distributed, how will transport costs change, how will the situation with labor mobility change, whether the degree of homogeneity of economic and Social space, which part of the international transit of container cargo will switch to Russian railways, would be received any additional revenues by the economy and budgets, etc.?

However, without basic institutional changes, it's rather pointless to talk about this. But everything can happen to the exact opposite. The level of homogeneity of the country's space as a result of the construction of the main high-speed road may decrease due to the ease of tightening the already fragmented economic space to the already existing economic poles around megacities, which relates both to the labor market and to the location of production capacities. The huge expenditure of budgetary funds will lead to the creation of a "transit Eurasian specialization" of the Russian economy, which will block the institutional and financial support of the state for private investments in diversifying the national economy and exports. Huge funds will be invested in fact either in confrontation with the international infrastructure project of the Silk Road initiated by China, or in securing the status of China's satellite in this project.

And the latter is even more likely, given that Russia has already formally joined this project (which was declared in 2015 and formalized by an official intergovernmental statement in May 2017). Of course, this is just one of the possible projects. True, the list of questions from the project to the project will vary slightly. But the main problem lies in the assumption that public investment without any changes in basic economic relations and socio-political formats can trigger the mechanism of economic growth, that is, automatically solve the problem of technology transfer, effective scale of output, the size of aggregate demand, the structure of domestic consumption and exports, productivity of functioning capital, rationality of economic behavior, effective competition, etc. It is unlikely that these problems can be solved by themselves, investments at the expense of borrowed capital, even if they do not shake the stability of the money market (which is really unlikely with rational, true, investment). The number of problems and fundamentally non-untangling loops of feedbacks is extremely large. However, the presence of risks is not the reason to do nothing, but a very good reason to answer the question what is the ultimate goal of the action.

It is time to formulate a new metagoal - the goal of social development in general and economic development in particular, which should result in the formation of an optimal strategy to achieve this goal, which, of course, will combine both the currently actively discussed strategies of economic regulation.